

ВИ АСТОР

A woman with dark hair, wearing blue medical scrubs and a stethoscope, is shown in profile. She is surrounded by purple flowers, possibly lavender, which are also visible on her neck. Her body is being embraced from behind by several large, dark, gnarled, and textured hands, suggesting a supernatural or horror theme. The background is dark and smoky.

ВИРУЛЕНТНОСТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ви Астор

Вирулентность

<https://litres.ru/74077004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то я верила, что мой долг — спасти жизни.

Теперь я уже не уверена, что этого достаточно.

Пандемия уничтожила мир, но не смогла уничтожить страх. Люди построили стены, придумали новые правила и решили больше не оглядываться назад.

А я продолжаю искать лекарство.

Только чем ближе становлюсь к открытию, тем яснее понимаю: вернуть человечество — не значит вернуть людей.

И однажды мне придётся выбрать.

Между тем, что правильно.

И тем, без кого правильный выбор больше ничего не значит.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	26

Ви Астор

Вирулентность

Пролог

Выражение «Врач — страж жизни» для нас, медиков, не просто красивая метафора. Это ежедневная, изнуряющая битва. Битва за каждый новый рассвет, за возможность обнять родных, за исполнение мечты и ещё один шаг к тому, что дорого.

Мы сопровождаем человека от первого крика до последнего вздоха. Помогаем появиться на свет, стоим у постели больного, когда недуг отнимает последние силы и надежду. Мы рядом в операционной, в реанимации, в палате паллиативной помощи. Врач — это мост между отчаянием и верой, болью и облегчением. Когда пациент готов сдаться, мы продолжаем бороться, шепча: «Ещё не время».

С самого детства отец твердил мне: нет ничего важнее жизни и её спасения. Эта истина стала моим внутренним компасом, основой профессиональной этики, тем, что не даёт опустить руки. Я верила в это тогда — и верю в это сейчас. Осознание ответственности за человеческую жизнь формирует характер, закаляет волю, учит состраданию и дисциплине.

Годы учёбы и работы научили меня вскакивать по тревожному звонку, работать сутками, забывая про сон, продолжать ежедневно учиться и искать решение там, где, казалось бы, его нет. Но что делать, когда всё идёт не по плану? Когда вирус оказывается сильнее наших возможностей? Когда, несмотря на все протоколы и знания, в итоге результат — смерть?

Стоя у постели пациента, вкладывая все свои знания и силы, всю душу, чувствуешь, как сердце разрывает глухая, бессильная боль. И понимаешь: всё летит в бездну, а ты ничего не можешь с этим сделать.

Глава 1

— Время смерти — 17:15. — Голос доктора Маршалла эхом отдавался в моей голове, пока я пыталась выровнять дыхание.

Скользнув взглядом по небольшим настенным часам, я сверилась с его словами.

За последние несколько лет привычка перепроверять всё до мелочей за начинающими врачами стала второй натурой: ещё раз удостовериться в точности поставленного ими диагноза, сверить данные, проконтролировать каждое действие у постели больного. Я бы не назвала это недоверием. Скорее ответственностью. Той самой, которая со временем становится тяжелее любого медицинского справочника.

Маршалл осторожно снял электроды с груди мужчины.

— Мы сделали всё, что могли, — тихо произнесла я и отключила кардиомонитор.

Экран погас.

Мой взгляд задержался на лице пациента — человека, которому мне так и не удалось помочь.

Его привезли слишком поздно. Аневризма — вещь коварная: она может дремать десятилетиями, не подавая сигналов, а потом в одно мгновение разорваться, отмеряя оставшееся время не минутами — секундами. Чаще всего симптомы настолько размыты, что люди просто их игнорируют: лёгкая

головная боль, небольшое головокружение и кратковременное ухудшение зрения. Кто-то списывает это на усталость, стресс из-за работы или перегрузку. Только вот, когда наступает критический момент, дорога до больницы становится настолько длинной, что отведённое судьбой время заканчивается быстрее, чем хотелось бы.

Это был один из таких случаев, когда медицина проигрывает ещё до того, как врач получает шанс начать борьбу. Нас этому учат с первых дней практики. Но никто не рассказывает, как принимать такие поражения.

Мой разум начинает цепляться за детали. Возвращаясь к каждому решению, к каждому действию. Словно где-то между ними могла скрываться ошибка, способная изменить исход.

И каждый раз вывод один — мы не успели. Даже при полной нашей готовности, сердце остановилось ещё до операционной.

Прислонившись спиной к холодной стене, делаю глубокий вдох, прикрывая глаза. В голове, как мантра, пульсируют слова: «Это не моя вина, не моя вина...». Но облегчения не приходит. Вместо него — тяжёлый ком в груди, липкое ощущение, будто я подвела пациента, не дотянула до собственного идеала.

Перед глазами всплывает мой первый пациент — Айрин. Ей было всего двенадцать лет. Диагноз — глиобластома на четвёртой стадии. Когда я увидела её впервые, меня пере-

полняла решимости вылечить её во что бы то ни стало, хотя прогнозы были крайне неутешительными. Я была молодым специалистом — с глазами, полными огня и непоколебимой решимости, что смогу ей помочь. В медицине такое встречается часто: ты приходишь с идеализмом, полностью убеждённая в том, что наука и твои старания могут преодолеть абсолютно всё.

Тогда мы быстро собрали консилиум и разработали новый план лечения для Айрин. Этого маленького ангела с большими зелёными глазами и искренней верой, что у неё есть шанс. Даже когда боль скручивала её тело, она старалась улыбаться, шутила со мной, показывая рисунки, которые выводила дрожащей рукой в перерывах между процедурами. Её оптимизм был заразителен — он подпитывал всех нас на решимость искать новые подходы к лечению и консультироваться с коллегами из других больниц.

Для меня каждый визит к ней превращался в проверку на стойкость.

— Доктор, а я смогу вернуться в школу? — спрашивала она с привычным блеском в глазах. — Я так соскучилась по друзьям.

— Мы сделаем для этого всё возможное, — всегда мягко отвечала я, продолжая одаривать её улыбкой.

И это было правдой. Но, как я уже говорила, есть болезни, которые не поддаются лечению. Они — как тени, что поглощают свет без остатка.

Айрин умерла ночью пятнадцатого апреля. Я запомнила эту дату на всю жизнь. Часы в палате показывали 2:18, когда монитор издал безжалостный сигнал. Я стояла рядом, держа её маленькую ручку в своей, и чувствовала, как предательски дрожат пальцы. Дыхание Айрин остановилось тихо, почти незаметно, вызывая ощущение, что она просто уснула.

В тот момент моё сердце впервые разбилось. Идеализм, который я себе выдумала, рухнул, обнажая суровую реальность: мы не всесильны. Я ошибалась во многих убеждениях. По своей же неопытности. Тогда я начала понимать, что не всё можно исправить, и не каждая моя самоотверженная работа гарантирует победу. Вот только договариваться с собой после каждой неспасённой жизни по-прежнему сложно.

Вечером, того же дня меня нашёл мистер Максвелл, мой наставник. Он не стал говорить мне дежурных фраз утешения так же, как и пустых слов вроде «принятия». Он просто сел рядом, положив мне руку на плечо, и ждал, пока я выплачу всё, что накопилось.

Когда слёзы начали высыхать, и дрожь в руках утихла, он тихо произнёс:

— Знаешь, Серена, у каждого хирурга есть своё маленькое кладбище в душе. Оно хранит имена тех, кого мы не смогли отвоевать у смерти. Однако важно помнить одно: всё равно нужно идти вперёд. — Он посмотрел мне в глаза. — Каждый пациент учит нас чему-то — даже если этот урок оказывается таким болезненным.

Когда он ушёл, я поняла, что его слова — это не приговор, а признание реальности.

Теперь и у меня есть это «кладбище».

Мысленно добавляю туда ещё одно имя, пока направляюсь в свой кабинет. Рабочий день уже подходит к концу, но впереди ещё гора бумажной работы.

Я сажусь за стол, погружаясь в ворох документов. Строчки с диагнозом, схемы лечения — всё сливается в единый поток, требующий концентрации, которая мне сейчас так необходима.

Я углубляюсь в работу настолько, что не замечаю, как мой телефон вибрирует уже несколько минут подряд. Перевожу взгляд на экран, и на моих губах расцветает улыбка: там светится имя мужа. Гнетущее чувство пустоты, давившее на плечи последние часы, начинает отступать. Наконец-то делаю полноценный, глубокий вдох — кажется, до этого я вообще не дышала, изо всех сил стараясь сдерживать эмоции.

— Привет, — говорю я, принимая вызов, и слышу, как голос слегка дрожит.

— Милая, привет, я уже подъезжаю. — В его мягком голосе слышалась привычная нежность.

— Уже выхожу, — отвечаю я, аккуратно складывая документы в папку, и выключаю компьютер.

Сняв с себя медицинский халат, я кладу трубку и направляюсь к двери. Рабочий день первой смены подошёл к концу: коридоры больницы ожили, заполняясь сотрудниками.

Некоторые из них устало потягивались, шли к выходу, обсуждая планы на вечер, пока другие, отдохнувшие и полные сил, заступали на дежурство.

— Привет, Серена! — рядом со мной возник Джон. — Какие новости? — спросил он, очаровательно улыбаясь. От этой улыбки на его щеках всегда появлялись ямочки — настолько обезоруживающий жест, будто Джон специально тренировался перед зеркалом. Его карие глаза искрились любопытством, совсем как в детстве. В руке он держал стаканчик с кофе, от которого лениво шел пар.

— Привет, Джон, — ответила я в тон ему, слегка улыбнувшись. — Миссис Росс жалуется на боль в височной области. Я назначила ей обезболивающее, но тебе все равно стоит её навестить, — говорила я на ходу, быстро шагая по коридору. Джон шёл следом, внимательно слушая и кивая. — А ещё мистер Бланшер начал приём темозоломида. Возьми у него утром анализы — нужно проверить динамику.

— Понял, — коротко ответил Джон, засовывая одну руку в карман. Он задержал взгляд на моём лице дольше обычного и слегка нахмурился. — Ты какая-то грустная. Что-то случилось?

Я немного замедлила шаг, вздохнула и, посмотрев на него, ответила:

— Летальный исход.

— Оу, — мгновенно отозвался он. — Кто?

— Мужчина с аневризмой. Мы ничего не успели сделать,

было слишком поздно, — сказала я, не понимая, кого я пытаюсь в этом убедить: его или себя.

— Ты же помнишь, что мы не можем спасти всех? — мягко сказал друг, осторожно касаясь моего плеча. — Уверен, что ты, как и всегда, боролась до последнего.

— Да, но...

Я замялась, бросая взгляд на большие панорамные окна. Оттуда виднелся Чикаго, мерцающий миллионами огней, и небо уже окрасилось в глубокие оттенки сумерек — от тёмно-синего у линии горизонта, плавно перетекая в лиловый.

Машин на парковке становилось всё меньше, и только у одной чёрной машины, облокотившись на капот, стоял мой муж. Его поза была расслабленной, но в ней чувствовалась скрытая сила — так отдыхают крупные хищники, готовые в любой момент броситься вперёд. Чёрные брюки и в тон им рубашка, расстёгнутая на две пуговицы, подчёркивали его спортивную фигуру. Ткань рубашки колыхалась от лёгкого ветра, позволяя отчётливо разглядеть его широкие плечи и сильные руки.

Тёмно-каштановые волосы, как всегда, были слегка расчёпаны, как будто он, задумавшись, провёл по ним рукой. Несколько прядей спадали на лоб, придавая ему немного мальчишеский, озорной вид. Его пухлые губы изогнулись в кривой улыбке, когда наши взгляды встретились. Голубые глаза задержались на моём лице, словно заново впитывая каждую деталь. Внутри что-то дрогнуло и оттаяло. Мой муж

— до умопомрачения хорош собой, и даже спустя годы при виде него сердце замирает каждый раз, как в первый. В такие моменты мир будто сужается до одной точки — его глаз.

Я продолжала смотреть на мужа, не вникая в то, что говорил мне Джон. Даже через окно у меня было ощущение, что воздух между нами наэлектризовался.

Он одним своим существованием возвращает меня к жизни.

— Слушай, Джон, мне уже пора. Поговорим завтра? — Я тепло обняла друга. — Если что, звони.

— Хорошего вечера! — ответил мне он, провожая взглядом.

Я подняла руку и помахала ему на прощание, не сбавляя шага.

— Солнце, как прошёл рабочий день? — Нейт оттолкнулся от капота машины, и раскрыл объятия, в которые я без промедления нырнула.

— Нормально. — Я уткнулась в его широкую грудь, вдыхая родной аромат — смесь древесных нот парфюма и чего-то неуловимо «его». Напряжение прошедшего дня начало таять, как снег под солнцем. — Теперь всё нормально.

— Точно? — напрягся Нейт, беря меня за плечи и чуть отодвигая от себя, чтобы взглянуть в мои глаза. Его взгляд был внимательным, изучающим, будто он видел меня насквозь.

— Рабочие моменты, но я справлюсь, — ответила я, чув-

ствуя, как тяжесть с души понемногу уходит.

— Конечно, справишься, — одобрительно сказал Нейт.
— Но я всегда рядом и всегда выслушаю, если захочешь рассказать.

Мне часто кажется, что нас с Нейтом связала сама судьба. Ему хватает одного взгляда, чтобы понять, что у меня на душе, и в каком я настроении. Он никогда не давит, терпеливо дожидаясь, когда я буду готова сама всё рассказать. Наверное, именно поэтому мы никогда не ссоримся. Ведь как можно спорить с кем-то, кто наперёд знает всё, что ты скажешь? Он как мой якорь или тихая гавань, за что я влюбляюсь в него с каждым днём всё больше.

Я поцеловала его в губы, одаривая улыбкой и прошептала:

— Спасибо.

— Поехали домой, — мягко сказал он, приобняв меня за плечи.

Мы сели в машину, и я наконец позволила себе окончательно расслабиться. Вечер обещал быть тихим, наполненным теплом и покоем — именно тем, что мне сейчас было так необходимо.

Глава 2

Дорога до дома растянулась, мне казалось, на целую вечность — вечерний час пик в Чикаго испытывал моё терпение на прочность. Город, который никогда не засыпает, жил своей привычной жизнью. Плотный поток автомобилей казался нескончаемым.

Пробки здесь — привычное дело, наш спутник круглосуточного ритма мегаполиса. И всё же где-то в глубине души каждый раз теплится небольшая надежда: а вдруг сегодня каким-то чудесным образом повезёт, и дорога не отнимет пару драгоценных часов?

Наконец добравшись до дома, я с облегчением сбросила туфли и направилась напрямиком к холодильнику. Дверца с лёгким щелчком открылась, и я окинула взглядом почти пустые полки.

— У нас совсем ничего нет, — констатировала я, задумчиво побарабанив пальцами по стенке холодильника. — Впрочем, я могу что-нибудь приготовить.

— А может, сегодня обойдёмся без кулинарных шедевров? — раздался за спиной голос мужа. Нейт подошёл незаметно, обнимая меня со спины, и его тёплое дыхание коснулось моей шеи. — Давай просто закажем еду? Я так соскучился...

Я прикрыла глаза, наслаждаясь этим мгновением: ощу-

щение его рук на моей талии, едва уловимое горячее дыхание, от которого по коже побежали приятные мурашки. Внизу живота знакомо заныло, пульсируя в такт учатившемуся сердцебиению — моё тело мгновенно отреагировало на его близость.

— Давай закажем, — прошептала я, теснее прижимаясь к нему спиной.

Нейт резко развернул меня к себе и впился в мои губы жадным поцелуем — и за мягкой требовательностью его губ я ощутила, каким прерывистым стало его дыхание. Я поднялась на носочки, чтобы дотянуться до него, и запустила пальцы в тёмные волосы, чуть взъерошивая их. С моих губ сорвался тихий стон удовольствия, когда его губы начали медленно спускаться вниз — от шеи к ключице, задерживаясь в том месте, где пульсировала вена. Его поцелуи обжигали кожу, доводя меня до безумия. Я ощущала его каждой клеточкой своего тела, прижимаясь ещё ближе.

— Чёрт, Нейт... — вскрикнула я, запрокинув голову, когда его пальцы сжали мой сосок через тонкую ткань белой блузки.

— Гм-м... — промурлыкал он, снова находя мои губы и поднимая меня на руки.

Крепко прижимая меня к себе, Нейт быстрым, уверенным шагом пересёк просторную гостиную, преодолел лестницу на второй этаж и ногой распахнул дверь в спальню. Я прижалась губами к его шее, чувствуя, как под рубашкой часто

и неровно бьётся его сердце — ровно в такт моему.

Оказавшись на кровати, мы на мгновение замерли, глядя друг другу в глаза. В тишине спальни было слышно только наше прерывистое дыхание. Нейт навис надо мной, осторожно опираясь на локти, чтобы ненароком не придавить. Я провела языком по пересохшим губам, замечая, как взгляд мужа потемнел, и на его шее соблазнительным рельефом напряглись мышцы. Даже через ткань, разделявшую нас, я ощущала его возбуждение.

Он продолжил осыпать поцелуями мою шею, слегка покусывая, пока я бездумно гладила руками крепкие мышцы, перекатывающиеся под рубашкой.

Его пальцы скользнули вдоль моего лица, очертив линию подбородка, и я невольно закрыла глаза, отдаваясь этому моменту целиком.

Одной рукой Нейт неторопливо растёгивал пуговицы на моей блузке, пока я, задыхаясь от нетерпения, пыталась справиться с его ремнём.

Каждое его прикосновение отзывалось в теле острой волной наслаждения.

Мне казалось, ещё чуть-чуть, и я взорвусь.

— Нейт... — захныкала я, не в силах больше сдерживаться и прося о большем.

Он поднял на меня взгляд, растянув губы в ухмылке, и медленно провёл кончиками пальцев по контуру моего соска. А затем, скользнув ниже, уверенно надавил на клитор. Я

не смогла сдержать ещё один стон и выгнулась навстречу его движениям.

— Нейт прошу... — Мой голос срывался на хриплый шёпот, ноги начинало сводить сладкой судорогой. Я впиалась ногтями в его спину, оставляя едва заметные следы.

— О чём ты просишь, любимая? — Нейт лукаво улыбнулся, не прекращая водить пальцами по пульсирующему лону.

— Я... я... — Глаза непроизвольно закатывались, пока он подводил меня к краю.

Оргазм был уже близко, но он не дал мне кончить, убирая пальцы только для того, чтобы одним плавным движением ввести их внутрь.

— Ты такая влажная для меня, — шепчет Нейт, и его голос звучит низко, хрипло, возбуждённо. — Давай, детка, кончи от моих пальцев.

Он ускоряет темп и чуть сгибает их, безошибочно находя внутри самое чувствительное место. Я выгибаюсь навстречу его прикосновениям, уже не сдерживая стонов. Мой муж знает меня досконально — каждую деталь, каждое место на моём теле, от прикосновения к которому мир вокруг растворяется, а я улетаю к звёздам. За столько лет он изучил меня так же хорошо, как и я его.

— О... Господи! — выкрикнула я, продолжая извиваться под ним от нахлынувшего оргазма.

Губы Нейта яростно заглушают мой крик. Он заставляет меня замолчать, проникая в рот языком и сливаясь со мной

в глубоком, жадном поцелуе.

Не успеваю прийти в себя, как Нейт чуть отстраняется, но лишь затем, чтобы войти в меня одним резким, властным толчком. Он рычит мне в шею, и горячее дыхание вновь обжигает кожу. С каждым толчком его темп ускоряется, пока я продолжаю цепляться за него. Скрещиваю ноги на его поясице и прижимаю к себе, стараясь углубить толчки. Мне так мало его... Нужно глубже, сильнее, больше.

— Чёрт, Серена, ты сводишь меня с ума... — Его шёпот рядом с моим ухом только ускоряет приближение оргазма.

Он замедляет движения, растягивая удовольствие, заставляя меня трепетать от каждого движения. Я начинаю чувствовать, как новая волна оргазма подступает к животу, накатывает изнутри, словно океанская волна на побережье. Пальцы на ногах непроизвольно поджимаются, а сердце бьётся так сильно, будто вот-вот выскочит из груди.

— Смотри на меня, любимая, — властно требует Нейт, вновь ускоряясь.

Я приподнимаю ресницы, сталкиваясь взглядом с небесно-голубыми глазами, потемневшими от желания. Они стали почти чёрными, бездонными.

— Кончи вместе со мной, Серена, — говорит Нейт, надавливая большим пальцем на клитор.

И я взрываюсь — мир вокруг распадается на тысячи ослепительных осколков, я ощущаю его пульсацию внутри себя, и ещё одна волна наслаждения накрывает меня с головой,

унося в бескрайнюю вселенную удовольствия.

Нейт со стоном опускается на меня, тяжело дыша. Мы лежим, тесно прижавшись друг к другу, пытаюсь привести дыхание в норму.

Ночь окончательно вступила в свои права, погружая комнату в полумрак.

— Думаю, нам стоит повторить, — говорит муж, устраиваясь рядом на боку и слегка поглаживая мою руку.

— Я только за, — приподнявшись на локтях, я бросаю на него игривый взгляд и, расплываясь в широкой улыбке, добавляю: — Но нам всё же стоит заказать еду. А пока... — медленно провожу пальцами по его груди, — не желаешь принять со мной душ?

У Нейта всегда была молниеносная реакция, но на этот раз он превзошёл сам себя: я даже вскрикнуть не успела, как он подскочил с кровати, подхватил меня на руки и понёс в ванную. Его ладони крепко сжали мои ягодицы, пока я обняла его за шею, громко рассмеявшись от неожиданности.

Спустя чуть больше часа мы, расслабленные после душа, сидели в гостиной, уютно устроившись на мягком диване с пледом. Сегодня выбор остановился на блюдах из ресторанчика, куда мы ходили, когда ещё только встречались — небольшого уютного места с деревянными столиками и приглушённым светом, где всегда пахло свежим хлебом и розмарином. Еда там была похожа на домашнюю, которая умело возвращала в детство. Мы были там частыми гостями, осо-

бенно после походов в кино или долгих прогулок по городу. Выбирать между сытным рагу, пастой с грибами или фирменным пирогом с курицей всегда было сложно.

На низком журнальном столике уже были расставлены контейнеры с едой. Сегодня выбор остановился на аппетитном рагу из говядины с морковью и картофелем, щедро посыпанным свежей зеленью. Рядом — корзинка с хрустящим хлебом и небольшая миска с маринованными овощами.

Нейту позвонили по работе, и он вышел поговорить. Я не стала его дожидаться и, зачерпнув ложку вкуснейшего рагу, приступила к еде с таким рвением, будто не ела целую вечность. Параллельно я включила телевизор, пытаюсь найти что-нибудь интересное для фона.

— «Здравствуйте, с вами вечерний выпуск новостей, и прямо сейчас мы расскажем о самом главном», — раздался голос ведущей.

Отложив пульт, я сосредоточилась на еде, стараясь хоть немного вникать в то, что она говорит. Рост цен на бензин, встреча президента с главами других стран, пожар в одном из старых здании на окраине города... Новости сливались в монотонный гул, пока я наслаждалась каждым кусочком блюда.

— Что смотришь? — спросил муж, усаживаясь рядом со мной.

На моём лице появилась немного глупая улыбка — не от новостей, а при виде его голого торса. Мы женаты уже два года и вместе уже более четырёх лет. Я взрослая женщина,

но всё равно краснею, как девчонка, когда вижу его таким домашним, расслабленным, без всяких масок и формальностей.

— Серена-а-а, приём! — Он начал махать перед моим лицом, вырывая из задумчивости.

Я несколько раз моргнула, отгоняя наваждение, и улыбнулась.

— Новости, — ответила я. — Тебя долго не было, и я решила начать без тебя.

— Ты что, съела все овощи? — на его лице проступила такая смешная гримаса удивления, что я не смогла сдержать смеха.

— Ты слишком долго болтал по телефону, — парировала я, подмигивая, — радуйся, что я тебе чуть-чуть оставила.

— Прости, — вздохнул Нейт. — На следующей неделе вводим в эксплуатацию новое оборудование. Нужно, чтобы все отчёты и графики были в полном порядке.

— Родной, не извиняйся. — Я наклонилась, чтобы поцеловать его в плечо. — Моя работа тоже не из лёгких.

Нейт не любил, когда его отвлекали, если мы проводили время вместе, и часто чувствовал вину за то, что вынужден был меня оставлять. С тех пор, как он стал главным инженером в одной из крупных компаний, времени у нас стало заметно меньше. Но я не винила его за это — у меня самой с каждым днём оставалось всё меньше свободных минут. Как только закончу докторантуру и стану научным сотрудником,

возможно, смогу уделять семье больше внимания. А пока мы оба упорно шли к своим целям, доказывая, что чего-то стоим. В этом была своя романтика — мы поддерживали друг друга, даже когда график не оставлял времени на долгие разговоры.

— «А теперь к главным новостям», — я перевела взгляд на экран, невольно выпрямившись. — «В штате Вирджиния зафиксирована новая вспышка птичьего гриппа. Заболевшие жалуются на сильную слабость и головные боли. В тяжёлых случаях начинаются галлюцинации», — бесстрастно сообщала ведущая.

— Галлюцинации? — повторила я, почувствовав, как по спине пробежал неприятный холодок.

— Я хоть и не медик, но что-то это не похоже на обычный грипп, — заметил муж, хмуро глядя в телевизор.

Тем же взглядом буравя ведущую на экране, я мысленно перебирала известные мне факты:

— Да, ты прав. Это странно. Птичий грипп поражает в основном дыхательные пути, — начала я проговаривать свои мысли. — Главные симптомы — высокая температура, кашель, затруднённое дыхание... Но галлюцинации?

— Может, что-то провоцирует их? — предположил Нейт. Я покачала головой.

— Для этого нужен либо прямой нейротропный эффект, либо сильнейшая интоксикация.

— «Соблюдайте меры безопасности и не контактируйте

с заболевшими людьми. С вами была Люси Миллер, всего доброго», — закончила ведущая, и картинка на экране сменилась рекламой.

Нейт выключил телевизор, а я погрузилась в размышления. Мозг автоматически выстраивал логическую цепочку: сами по себе галлюцинации могут появиться по разным причинам — начиная от сильного переутомления и обезвоживания до нарколепсии или психических расстройств. Но здесь речь шла о массовом явлении, связанным с вирусной инфекцией.

Вирус, поражающий в основном дыхательные пути, не должен вызывать такие побочные эффекты. Разве что... Разве что он мутировал. Или это не чистый птичий грипп, а рекомбинантный штамм с элементами другого патогена?

Завтра нужно поискать свежие публикации и проверить базы данных.

— Ты снова это делаешь, Серена. — Нейт мягко вырвал меня из размышлений, коснувшись моего плеча.

— Делаю что?

— Анализируешь всё, что видишь и слышишь.

— Просто это странно, Нейт. Слишком нетипичные симптомы для птичьего гриппа.

— Я тоже так думаю, — согласился муж. — Но ещё я уверен, что об этом можно подумать завтра. На свежую голову.

— Ты прав, — вздохнула я. — Подумаю об этом завтра. Возможно, мой научный руководитель сможет пролить свет

на ситуацию. Его опыт и знания куда шире моих. Он наверняка уже в курсе.

— Серена-а-а, идём в кровать. — Муж потянул меня за руку, его глаза вновь потеплели. — Я соскучился.

— Ты это уже говорил. — Я выгнула бровь, но всё же встала следом за ним.

— Ну, я очень-очень соскучился, — прошептал он, обнимая меня и нежно целуя в висок.

В животе начал зарождаться знакомый узел желания, приятно отдающийся во всём теле. Я уже говорила, что мне всегда его мало?

Засыпала я на плече у мужа после ещё нескольких мгновений счастливой близости. Тогда я и подумать не могла, что скоро о таком умиротворённом спокойствии мы будем только мечтать. Тревожные новости о вирусе, которые казались такими далёкими, вскоре станут нашей реальностью и заставят пересмотреть всё, что мы знали о безопасности, науке и друг о друге.

Глава 3

— На семьдесят первой опять пробка, — пробормотала я, не отрывая взгляда от навигатора в машине. Будто мой испепеляющий взгляд мог каким-то чудом заставить все эти автомобили исчезнуть.

Прошлой ночью мы с Нейтом так увлеклись, что пропустили несколько будильников. Постоянно переводя их. В итоге он лишился утренней пробежки, а я — завтрака. Война за душ отняла ещё примерно двадцать минут: каждый пытался доказать, что именно ему нужно пойти туда первым. В конце концов мы решили принять его вместе — что вовсе не ускорило наши сборы, а лишь добавило новый повод для смеха и поцелуев.

Красить ресницы пришлось уже в машине, пока Нейт одной рукой пытался застегнуть пуговицы на белой рубашке, а другой держал руль.

— Давай я, — захлопнув зеркальце, я потянулась к нему, помогая справиться с пуговицами.

— Спасибо, — коротко ответил муж. По его напряжённой спине и нервно постукивающим по рулю пальцам стало понятно, что он нервничал из-за опоздания на важную встречу.

Я говорила, что могу взять такси, но Нейт категорически отказался:

— Я сам тебя отвезу, даже если опоздаю. Ты важнее всего,

солнце, — прошептал он, оставляя лёгкий поцелуй на моих волосах.

Пытаясь отвлечь его от тревожных мыслей, я вдруг вспомнила:

— А ты видел, как на нас посмотрел мистер Финч, когда мы заходили в лифт?

— Наверное, подумал, что мы два идиота. — Губы Нейта дрогнули в улыбке.

— Или что-нибудь похуже, — рассмеялась я. — Заедешь сегодня за мной?

— Не успею, солнце. У нас встреча с директором из Нью-Йорка, он прилетел специально из-за неё.

— Всё пройдёт отлично, я в тебя верю. Ты у меня отличный специалист. — Положив ладонь ему на бедро, я слегка сжала пальцы в знак поддержки.

— Серена, — процедил Нейт, бросая на меня короткий взгляд, — мы и так опаздываем. Не заставляй меня останавливать машину. Убери руку, милая.

Усмехнувшись, я всё же убрала ладонь, но лукавой улыбкой сдержать не смогла.

Спустя тридцать мучительных минут, заполненных недовольными водителями и нервными вздохами, Нейт наконец остановил машину у входа в больницу.

— До вечера, — сказала я, открывая дверь. — Люблю тебя.

— Люблю тебя, — отозвался муж. Когда я захлопнула

дверь, машина тут же рванула с места, исчезая за поворотом.

В больнице «Нордвестерн» всегда кипит жизнь — это место, в котором даже глубокой ночью она не замирает. Пациенты толпятся у кабинетов в ожидании приёма, нервно поглядывая на часы и изучая журналы в зоне ожидания. Посетители, дождавшись часов приёма, спешат к родным, стараясь скрывать своё волнение за улыбкой, — для них самое важное, чтобы близкие были в порядке. А вот студенты-медики снуют по коридорам с важным видом, держа в руках учебники или планшеты. Я мысленно улыбнулась, вспоминая себя во времена моей практики.

Гул становился всё громче пока я двигалась вглубь больницы: мужчина, лет сорока на вид, громко спорил у стойки регистрации, мимо меня пробежала женщина, давая срочные указания по телефону. Медсёстры бегали с папками и анализами, их медицинская одежда мелькала, как вспышки света. Из постоянно открывающихся дверей палат доносились сигналы аппаратов — ритмичный писк мониторов и прерывистый звук ИВЛ. Всё это сливалось в единый нервный ритм больничных будней. Я остановилась на мгновение, окинув взглядом холл. В нос ударил привычный запах кофе из автомата, антисептика и лекарств. Мой мозг автоматически сортировал информацию — ничего критичного не было, но обстановка была напряжённой. Не теряя больше ни секунды, я поправила сумку на плече и устремилась к лифту.

С тихим мелодичным звуком двери плавно разъехались,

выпуская меня на шестом этаже в знакомый коридор. Не сбавляя шаг, я направилась к своему кабинету, параллельно ища в сумке ключи.

Рука уже потянулась к замку, когда я заметила, что дверь была приоткрыта. Я нахмурилась, отчётливо помня, как вчера вечером её закрыла. Даже дёрнула ручку перед уходом. Осторожно толкнув дверь, я заглянула внутрь.

За дверью открылась интересная картина: на моём диване, раскинув ноги в стороны и громко похрапывая, спал Джон. Его халат лежал на спинке дивана, галстук съехал на бок, а каштановые волосы торчали во все стороны.

Совсем обнаглел! Подойдя к окну, я резко дёрнула за шнур жалюзи — с громким щелчком они поднялись, и внутрь ворвался яркий утренний свет, заливая всю комнату теплом. Джон поморщился, прикрывая глаза рукой и пытаюсь отвернуться к спинке дивана.

— Джон, какого хрена?! — воскликнула я, слегка пиная его по ноге. — У тебя что, своего кабинета нет?

Он промычал что-то неразборчивое, не открывая глаз, и всё же перевернулся на бок, подтянув колени.

— Вставай и проваливай к себе. — Я потянула его за штанину, стараясь привести в чувство. — Ты слышишь, что я тебе говорю?

Наконец он приоткрыл один глаз, лениво оглядывая меня с ног до головы и пробурчал, растягивая слова:

— Эс, ну дай ещё пять минут... Я так хорошо устроился.

— Никаких пяти минут, — твёрдо отрезала я, скрестив руки на груди. — Вставай. Сейчас же. Мне нужно переодеться.

Джон тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу и, наконец, начал медленно подниматься. Бурча себе под нос о том, что я забыла о сострадании.

— Пойду за кофе. Тебе взять? — спросил он, направляясь к двери.

— Чай, и побольше сахара, — сказала я, и улыбнулась, сменив гнев на милость.

Он шутливо отсалютовал мне и вышел, прикрыв за собой дверь.

Переодевшись и аккуратно разгладив складки своего белоснежного медицинского халата, я села за рабочий стол и включила компьютер. До утреннего обхода было примерно ещё тридцать минут — этого времени будет достаточно, чтобы просмотреть свежие анализы. Экран монитора мерцал, строки с данными сменяли друг друга, я погрузилась в работу, не заметив, как Джон бесшумно открыл дверь и вошёл в кабинет.

Он осторожно поставил рядом со мной стакан с ароматным кофе, опускаясь в кресло напротив, и сделал большой глоток.

— Как прошла ночь? — спросила я, отпивая из своего стаканчика и отрываясь от экрана.

— Вполне спокойно, — ответил Джон, расслабленно от-

кидываясь на спинку кресла. — Анализы Бланшера я отправил — думаю, после обеда мы узнаем результаты. Критических пациентов не было, только Дороти опять за своё. Строила глазки, каждый раз выдумывая новый повод меня позвать, — он покачал головой, пряча улыбку. — Заявила, что я просто обязан на ней жениться.

— А почему бы и нет? — поддразнила его я. — Она обеспеченная, привлекательная женщина, которая...

— Которая ровесница моей покойной бабули! — перебил меня Джон, возмущённо вскинув брови. — Сколько ей? Семьдесят?

Я не выдержала и расхохоталась, смотря на его комично искажившееся лицо. Его негодование было таким искренним, что это вызывало умиление.

— Семьдесят три, если на то пошло, — уточнила я, вытирая выступившие от смеха слёзы.

Допив остатки кофе, мы направились на обход. Наши шаги эхом отдавались в тихом утреннем коридоре, пока мы на ходу обсуждали планы на выходные. Я продолжала шутить про «свадьбу Джона» — с детальным распределением гостей и списком обязательных тостов. Он стоически терпел, периодически вздыхая и качая головой.

У поста медсестёр нас уже ждали. Заведующий отделением, мистер Торн, — высокий, подтянутый мужчина с папкой в руках. Рядом с ним стоял ординатор Ньют, увлеченно просматривая какие-то записи, и старшая медсестра, аккуратно

державшая в руках истории болезней.

— Доброе утро, коллеги, — произнёс мистер Торн ровным голосом, отрывая глаза от бумаг.

— Доброе утро, — деловым тоном ответили мы с Джоном. Повисла недолгая пауза. Каждый из нас мысленно настраивался на предстоящий обход. Быстрым кивком головы мистер Торн дал знак начинать, и, не сказав больше ни слова, мы направились в первую палату.

В ней лежал пациент после удаления менингиомы — мужчина средних лет. Он был ещё бледный после наркоза, но уже пришёл в сознание. Когда мы вошли, он медленно повернул голову в нашу сторону, и на его лице промелькнуло облегчение при виде врачей.

— Здравствуйте, мистер Уэбб, — ровным голосом произнесла я, забирая историю болезни у медсестры. — Как голова? Тошноты нет?

— Немного шумит в ушах, — тихо ответил он, стараясь не делать резких движений. — Но уже лучше, чем вчера.

Я тщательно проверила дренаж — трубка лежала ровно. Затем осмотрела послеоперационный шов и, аккуратно приподняв веки, направила фонарик на глаза.

— Зрачки реагируют симметрично, это хороший знак, — сказала я, выпрямляясь. — Давление сто двадцать пять на восемьдесят, пульс семьдесят восемь.

Ординатор записал данные и, повернувшись к пациенту, начал задавать уточняющие вопросы о характере ощущений.

Пока они разговаривали, я подошла к профессору, который внимательно изучал последний снимок МРТ.

— Динамика положительная, — подвёл он итог, поворачиваясь ко мне. —Продолжайте наблюдение, контроль неврологического статуса каждые четыре часа.

— Поняла, — ответила я.

Попрощавшись с пациентом, мы направились дальше. В следующей палате лежала молодая женщина с черепно-мозговой травмой после ДТП. Она полулежала в кровати, подключённая к монитору, который ритмично пищал, отображая её пульс. Эта была пациентка Джона, поэтому осмотр проводил он, а я просто наблюдала. Так и прошли следующие сорок минут. Из палаты в палату, повторяя одни и те же действия. Осмотр, вопросы, динамика. В основном звучали слова поддержки, но иногда и строгие указания по лечению в тяжёлых случаях.

Мы остановились у поста, откуда начинали обход, чтобы подвести итоги. Забрав записи у ординатора, заведующий кратко сказал:

— У двоих пациентов заметно улучшение, думаю, завтра можно переводить их в общую палату. Так же у пациента из третьей состояние стабильное, но без положительной динамики. Продолжайте текущую терапию. Я слушала, делая пометки.

— В шестой палате у пациента нарастает отёк. Миссис Андерсон, уделить ей особое внимание, — поднял на меня гла-

за Торн.

— Конечно.

На душе становилось легче, когда мы отмечали положительный эффект от лечения, но тревога не отпускала: те, кто пока не демонстрировал улучшений, требовали особого контроля за их состоянием.

Попрощавшись с коллегами, каждый из нас отправился заниматься своей текущей работой. Джон, устало потерев глаза, бросил на ходу:

— Наконец-то домой.

— Или к девушке? — улыбнулась я, вспоминая его намёки на прошлой неделе.

Он усмехнулся, ничего не ответив, и скрылся в своём кабинете.

Но не успела я зайти к себе, как меня сразу вызвали на приём: скорая привезла пациента с выраженным тремором рук и нарушением координации. Я осмотрела его и отправила на МРТ, а сама, дожидаясь результатов, монотонно разбирала накопившуюся электронную почту.

— Миссис Андерсон! — В кабинет стремительно влетела медсестра, чуть не задев дверь плечом. — К нам везут экстренного пациента! Девушка, двадцать девять лет, сильный кашель и общая слабость.

Я оторвала взгляд от монитора, слегка приподняв брови:

— Кашель? По-моему, это не совсем то отделение, где лечат обычный кашель.

— Да, но есть и другие симптомы, — поспешила добавить медсестра. — Она жалуется на галлюцинации и острую боль в затылочной области.

Я нахмурилась. Галлюцинации... Вчера в вечерних новостях говорили об этом. Я резко встала из-за стола и решительно направилась вслед за медсестрой в приёмное отделение.

— Подготовьтесь к приёму! Наденьте маски и перчатки, — чётко отдавала я приказы своей команде. — Если это действительно вирусное заболевание, существует высокий риск передачи воздушно-капельным путём.

Все, как по команде, кивнули и поспешили выполнять указания. В воздухе повисло напряжение. Почти каждый смотрит телевизор или читает новости в интернете. Нервничала не только я, но если мои опасения подтвердятся, то больницу придётся закрывать на карантин.

«Нужно будет позвонить Нейту позже», — пронеслось у меня в голове. Я должна убедиться, что с ним всё в порядке.

Пока мы ждали прибытия скорой, я невольно прислушивалась к разговорам персонала. Кто-то перешёптывался в углу, обмениваясь тревожными догадками. Другие показывали друг другу видео в телефонах, строили предположения о причинах нового заболевания, гадали, насколько оно опасно. Атмосфера становилась всё более нервной.

Примерно через десять минут у главного входа остановилась машина скорой помощи. Из неё вышли два парамедика

и, открыв заднюю дверь, выкатили каталку с пациенткой.

— Алекс Вуд, двадцать девять лет, — начал докладывать один из парамедиков, пока санитары аккуратно завозили каталку в помещение. — Отдыхала на озере Мичиган с друзьями. Внезапно почувствовала себя плохо: начался сильный кашель. Затем, по словам друзей, у неё появились зрительные галлюцинации — она утверждала, что видит каких-то людей, которые хватают её за руки. Кричала, чтобы они ушли. Потеряла сознание до приезда скорой. Пока везли, она ненадолго пришла в себя, но жаловалась на боли в голове и была крайне возбуждена — началась истерика, поэтому мы ввели ей доксиламин для седации.

Он завершил доклад, передавая медсестре бумаги, я же тем временем проводила первичный осмотр, отмечая ключевые симптомы.

— Вам стоит надеть маски, — сказала я, переводя взгляд на парня.

— Хорошо, — не стал спорить парамедик и они оба удалились.

Я вернулась к пациентке, сосредоточившись на осмотре.

— Зрачки расширены, левый глаз не реагирует на свет, — говорила я миссис Грембс, которая вела записи.

— Давление — девяносто на пятьдесят, пульс — шестьдесят ударов в минуту, — сообщил ординатор Ньют, сверившись с показателями на приборе.

— Миссис Грембс, — обратилась я к медсестре, с кото-

рой работала в одной команде уже несколько лет, — сделайте расширенный анализ крови, назначьте МРТ и КТ. Пациентку в отделение интенсивной терапии. И введите сульфат магния внутривенно.

— Сделаем, — ответила миссис Грембс.

Коллеги приступили к работе, но меня не отпускала тревога из-за происходящего. Подниматься в кабинет желания не было — ноги сами понесли меня в ординаторскую, где можно было хоть ненадолго уединиться.

Я открыла браузер и набрала в поисковой строке «Вирджиния». Дополнительных пояснений не потребовалось, экран тут же заполнился заголовками, от которых кровь стыла в жилах. «Город закрывают на карантин», «Число заражённых растёт с каждым часом».

Среди результатов мелькнуло видео. На нём подросток лет семнадцати бился в судорогах прямо на асфальте. Его кожа была неестественно бледной, почти меловой. Я сглотнула ком в горле и открыла ещё одно видео.

На этот раз в кадре была женщина, лет на десять старше меня. Она оживлённо разговаривала с кем-то, рассказывая о своей работе и сыне, который уехал учиться в университет. Но когда камера чуть сместилась влево, стало понятно, что она беседовала с пустотой — её мучили галлюцинации.

Что происходит?!

— Доктор! — в ординаторскую вбежал Ньют, переводя дыхание. — У Вуд судороги.

Я тут же бросилась за ним, направляясь в отделение интенсивной терапии. Коридоры мелькали перед глазами, а в груди нарастало волнение.

Алекс лежала на полу в тонико-клонических судорогах. Её тело содрогалось в жёстких спазмах. Руки были согнуты в локтях, а ноги вытянуты. Из носа и рта обильно текла кровь, оставляя тёмные пятна на белом кафеле. Две медсестры пытались удержать её в безопасном положении — на боку, чтобы предотвратить аспирацию, пока анестезиолог, мистер Ричмонд, быстрыми движениями набирал в шприц диазепам для купирования судорожного синдрома.

Мы с Ньютом бросились к пациентке в тот момент, когда её тело извивалось, словно в агонии. Руками она начала тянуться к волосам, будто пыталась вырвать их с корнем. Из груди рвался крик:

— Уберите их! Уберите этих серых людей! Они здесь, они повсюду!

— Миссис Грембс, держите её ноги! — громко приказала я, одновременно с Ньютом пытаюсь зафиксировать верхнюю часть тела, чтобы дать анестезиологу возможность сделать укол.

— Откуда в ней столько силы? — выдохнул Ньют, напрягая мышцы, чтобы обездвижить девушку.

Я и сама не могла понять, откуда в таком хрупком теле столько нечеловеческой мощи. Мы вчетвером едва справлялись с её конвульсиями. Наконец, совместными усилиями

мы смогли её обездвижить и ввести препарат в периферическую вену. Я продолжила удерживать её голову, следя за тем, чтобы она не захлебнулась собственной кровью. Постепенно её тело обмякло, судороги прекратились, но дыхание осталось рваным и прерывистым.

Мы осторожно уложили её на кровать, подключая пульсоксиметр, сатурация упала до восьмидесяти пяти процентов. Плохой знак. Быстрыми движениями Ричмонд начал подключать её к аппаратам, а я внимательно прослушивала лёгкие фонендоскопом. Именно в этот момент она медленно приоткрыла глаза. Моя рука замерла возле её груди, когда я увидела мутный, дезориентированный взгляд, зрачки — расширены, реакция минимальная.

— Помогите мне... — прохрипела она едва слышно, и её глаза остекленели.

Мониторы запищали, издавая характерный звук остановки сердца. На экране появилась длинная прямая линия.

— Асистолия, — громче положенного сказала я.

— Реанимируем, — приказал Ричмонд.

Каждый занимался своим делом, чётко зная, как действовать в такой ситуации. Я медленно приступила к непрямому массажу сердца. Считая вслух:

— Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать!

— Отойдите! — Анестезиолог уже держал в руках дефибрилятор. — Заряжаем на двести.

Разряд. Ещё один. Мы увеличили подачу, но все было без-

результатно. Она не отреагировала даже на адреналин.

В палате повисла удушающая тишина, нарушаемая только звуком аппаратов и стуком собственного сердца в ушах, который отдавался гулом в висках.

— Что это за вирус такой? — тихо спросил Ньют.

Я сделала глубокий вдох, стараясь взять себя в руки. Медленно подняла взгляд на настенные часы.

— Время смерти — 14:23, — произнесла я ровным, но хриплым голосом. — Сообщите родственникам.

— Что нам с ней делать? — спросила миссис Грембс, её голос слегка дрожал.

Я окинула взглядом свою команду — они все выглядели растерянными. Их можно понять, мне самой было не по себе. Мой взгляд остановился на новенькой медсестре, с которой я ещё не успела толком познакомиться. Её рука была согнута, а пальцы дрожали.

— Что с рукой? — обратилась я к ней.

— Ничего серьезного, — ответила она, осторожно снимая перчатку. На коже девушки, чуть выше запястья, отчётливо виднелись следы зубов и проступила кровь.

— Это не «ничего серьёзного». — Я намеренно выделила последние слова, глядя ей прямо в глаза. — Мы не знаем анамнез пациентки, укус может быть потенциально опасен. Займись раной немедленно.

Девушка кивнула, покидая палату. Я проводила её взглядом, немного удивляясь тому, что она так несерьёзно отнес-

лась к этому.

— Миссис Грембс, передайте её текущие обязанности другому сотруднику. И проследите, чтобы она сдала анализы.

— Сделаю, — ответила она.

— Так что всё-таки мы делаем дальше? — повторил вопрос Ньют, который до этого уже прозвучал.

Я прикрыла глаза, собираясь с мыслями. У нас есть протокол на такой случай, но ситуация выходила за рамки обычного. Уверена: это не единичный случай. Скоро будут ещё пациенты с такими симптомами, а мы даже не понимаем, с чем имеем дело.

Что это за вирус? Почему она умерла так быстро? Какой точный механизм передачи? Одни вопросы без ответов. Я знала свою работу, знала болезни, от которых лечу, понимала, как они действуют на организм, и какие препараты помогают. Но сейчас мы не успели даже собрать достаточно данных для определения лечения.

— Действуйте по протоколу, — твёрдо сказала я, направляясь к выходу. — Я доложу о ситуации. Думаю, нас ждёт карантин.

Стараясь идти уверенно, хотя внутри всё сжималось от тревоги, я пыталась заглушить рой мыслей в своей голове. Если вирус действительно распространяется так быстро, сколько времени у нас осталось до вспышки?

Административный этаж был практически пуст.

Я остановилась у двери, на которой красовалась позолоченная табличка с чёрными буквами: «Главный врач Чарльз Дазн Максвелл». Ниже были указаны часы приёма. Я выдохнула, стараясь унять дрожь в руках, и постучала. Дождавшись приглушённого «войдите», толкнула тяжёлую дверь.

— Добрый день, мистер Максвелл, — начала я, проходя в просторный кабинет.

— Примерно полчаса назад к нам привезли девушку с признаками острой инфекции. Её состояние резко ухудшилось, она скончалась.

Мистер Максвелл отложил бумаги, которыми был занят до моего прихода, и внимательно посмотрел на меня. Его взгляд был одновременно строгим и понимающим, так как он хорошо знал, что для меня значит смерть пациента.

— Я в курсе, Серена.— Он снял очки и откинулся на спинку кресла. — Мне пришло распоряжение из CDC о введении карантина и полной мобилизации персонала.

Я прикусила щёку, чувствуя, как всё внутри сжимается.

— Случай не единичный. — Он устало потёр переносицу. В уголках его глаз залегли глубокие морщины, выдававшие накопившуюся усталость. — По информации, которая есть сейчас, вирус распространяется быстро. Чикаго — не пригород, здесь миллионы людей. Мы должны быть готовы принять столько пациентов, сколько сможем. И поскольку инфицированная попала в ваше отделение, приём остальных будет там же.

— Хорошо, — только и сказала я, сдерживая желание высказать свои мысли вслух.

В голове крутилась идея: может, лучше открыть отдельное помещение на первом этаже для заражённых? А не перевозить всех в отделение на другом этаже, увеличивая риск распространения вируса. Но я знала, что Чарльз найдёт аргументы против этого, а я снова буду чувствовать себя неопытной ученицей под его снисходительным тоном, который он позволял себе в разговоре со мной.

Чарльз всегда был таким. Он давил не словами, а самим присутствием. В этом человеке идеально совмещались сила и опыт. Для меня он был не просто наставником — кумиром в мире медицины. Лучший друг моего отца, он взял на себя заботу обо мне после гибели родителей. Большую часть знаний я получила от него. Да и время к нему было благосклонно: его русые волосы уже тронула седина, но это только придавало ему элегантность и авторитет.

— Подробные инструкции я передам твоему непосредственному руководителю, — проговорил он, возвращаясь к бумагам. — А сейчас тебе стоит отдохнуть. Ты выглядишь измотанной.

— Вам бы тоже не помешал отдых, — сказала я, вставая с кресла. Максвелл лишь усмехнулся, и в этой усмешке читалась горькая ирония. Уже на выходе из кабинета он окликнул меня:

— Серена, будь осторожна. Я всё-таки отвечаю за тебя пе-

ред твоими родителями. Будь они живы, то хотели бы, чтобы ты думала о своей безопасности.

Я замерла на мгновение, стараясь сморгнуть непрошенные слёзы. Мама с папой погибли шесть лет назад, когда я ещё училась. Чарльз, знавший меня с детства, тогда стал моей опорой. Не дал мне бросить всё на полпути и окунуться в горе и боль с головой. Он помогал с учёбой, давал жизненные уроки, находил ответы на самые сложные вопросы. Именно он отвёл меня к алтарю, когда больше никого у меня не осталось. Чарльз, как и Нейт, пытался донести до меня простую истину: я не спасительница всего мира, и нужно научиться принимать смерть, не позволяя ей разрушать меня изнутри.

— Буду, — прошептала я, выходя из кабинета.

Уже на пути к себе я снова подумала о Нейте и необходимости услышать его голос. Зайдя в кабинет, первым делом достала телефон из сумочки. Экран загорелся, отображая четырнадцать пропущенных звонков и одно СМС:

«Серена, понимаю, что ты там в эпицентре спасательных операций, так что буду краток. У нас проблема: вся партия деталей пришла с браком. Мне нужно улететь в Роквилл. Постараюсь вернуться к утру, чтобы не заставлять тебя скучать слишком долго. Люблю тебя — и да, я тоже не в восторге от этой поездки!».

— Роквилл, — повторила я, мысленно представляя карту Штатов. Город находился в нескольких часах от Вирджинии

— того самого места, где началась вспышка вируса.

Мои руки затряслись. Я лихорадочно набрала номер мужа, но в ответ услышала бесстрастное: «Абонент временно недоступен».

— Чёрт возьми... — прошептала я, сжимая телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев.